

НИКОЛАЙ ГАРИН-
МИХАЙЛОВСКИЙ

ВОЛК

Николай Гарин-Михайловский

Волк

«Public Domain»

1902

Гарин-Михайловский Н. Г.

Волк / Н. Г. Гарин-Михайловский — «Public Domain», 1902

«Стало солнце сильнее пригревать, дрогнул снег, и мутная холодная вода зашумела в оврагах. Громче всех шумел Блажной, и грохот и шум его, как выстрелы из пушек, неслись в пустом воздухе голой весны. Два подростка, овечьи пастухи, встретились за деревней у Блажного и, постояв, молча присели...»

Содержание

I	5
II	9
III	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Николай Гарин-Михайловский

Волк

I

Стало солнце сильнее пригревать, дрогнул снег, и мутная холодная вода зашумела в оврагах. Громче всех шумел Блажной, и грохот и шум его, как выстрелы из пушек, неслись в пустом воздухе голой весны.

Два подростка, овечьи пастухи, встретились за деревней у Блажного и, постояв, молча присели.

– Вишь, как он, – говорил белобрысый подросток Иван своему товарищу: – с весны ревет, как путный, а с середины лета – курице испить нечего. И будем гонять овечишек опять на водопой в Малиновый.

Черный включенный сотоварищ его, Петр, ответил, глядя на дорогу:

– Будешь ты один гонять нынче...

– А ты? – встрепенулся Иван.

– У меня и другое дело найдется.

– Какое дело?

– Так я тебе и сказал!..

– А как же я-то один справляться стану?

– А так и станешь... Поклонись миру и скажи: «Так и так, старики, Петр уйти надумал, а мне одному не справиться, а вы вот что: запрудите-ка с весны, пока вода в Блажном, как вот на сахарном заводе, да накиньте мне половину Петрова жалованья, я тогда и один справлюсь за двоих».

– Так они меня и послушали!

– А ты и уйдешь.

– Куда я уйду?

– Куда глаза глядят!

– Чать, вороны только летают, куда глаза глядят.

– Ну, и сиди тут.

И Петр равнодушно сплюнул в овраг.

– А ты пойдешь, куда глаза глядят?

– И пойду.

– Чать, без паспорта не пустят.

– А ты не спрашивай, и пустят!

– Поймают, так отдают!

– Ладно, пусть поймают сперва.

Петр встал, поднял мерзлый кусок земли и бросил его в мутные воды оврага.

Когда ком исчез в волнах, он сказал:

– Вот так и я, – ищи там на дне ком-от, что бросил...

– Обсохнет – найдется.

– Ну и жди, пока обсохнет, а я пошел!

И Петр, высокий, черный, с неуклюжими ухватками подростка, заковылял по последнему пути.

Белобрысый товарищ его тоже встал, некоторое время смотрел Петру вдогонку и, убедившись, что Петр действительно пошел, повернулся назад.

В деревне он, подойдя к избе старосты, постучался в окно и, когда староста, подняв окошко, высунул оттуда свою включенную голову, лениво сказал:

– Петька, слышь, пасти не станет.

– Еще что?

– Ушел.

– Ушел – придет.

– Ладно – придет, а не придет, я с кем стану пасти?

– Куда денется? – придет!

Староста еще подождал, оглянул улицу и исчез в избе, опустив оконницу. А белобрысый паренек, постояв, лениво, без цели побрел дальше.

Прошел день, два, три, но Петр так и не возвращался.

Наступило время гнать овец в поле, Петра нет. Отец Петра, Федор, погнал овец вместо сына, а в волость послал заявку о пропавшем Петре.

Недели через две Петра разыскали на сахарном заводе, водворили на место жительства и с согласия отца, сдавшего его в общество в овечьи пастухи, высекли.

Белобрысый товарищ Петра, Ванька, на другой день, когда они вместе погнали стадо, равнодушно заметил Петру:

– Вот и ушел!..

– И еще уйду, – ответил ему Петр.

– Выпорют и еще... и не так...

– Не каждый раз!

– А больно пороли?

– Попробуй!

– Небось орал?.. Не хуже Блажного...

Петр, сдвинув брови, молча шагал за овечьим стадом.

В черных полях еще не было почти корму, и голодные овцы, жалобно бляя, рвались к озимям. Ванька выбивался из сил, а Петр, отбросив длинный кнут, лежал на земле, смотрел в небо и молчал, как убитый, на все оклики и зовы Ваньки.

– Да что же ты? – подбежал к нему, потеряв терпение, Ванька, – так можно разве? Я один справлюсь?

Петр молчал.

– Ты что ж? Я ведь домой погоню стадо!

Ванька еще немного постоял и, не дождавшись ответа, действительно погнал стадо домой.

В деревню, пыля и вопя, ворвалось стадо, вызвав всеобщий переполох.

Еще не начинали пахать, и народ весь был дома. Тут ж собрался сход, и приступили к отцу Петра.

– Я тут при чем! – защищался отец. – Вы его нанимали, его и спрашивайте. Теперь нашли его и невольте. Выпороли раз, порите еще: я воли с вас не снимаю.

– Нет уж, Федор, не взыщи!.. Мы тебя пороть станем, – отвечал ему староста, – если не погонишь вместо сына, а уж там с сыном – твое дело...

И, как ни бился со стариками Федор, а пришлось-таки уступить и гнать с Ванькой назад в поле овец. Гнал Федор овец и на чем свет ругал сына:

– Ну, погоди ж, погоди ты, треклятый, черт черный! Треклятый! И уродился в кого? Во всем роду черных не было: черный да лохматый, черт треклятый, угольные твои глаза!

А «черт треклятый» продолжал себе лежать там же, где и лежал.

– Убью! – заревел благим матом Федор еще издали и подбежал к сыну.

Петр медленно приподнялся и, сидя на земле, ждал отца.

– Пасти не стану! – угрюмо бросил он отцу.

– Убью! – завопил отец и заметался перед сыном. – Говори, Иродово семя, отец я тебе или нет?

Петр угрюмо потупился и молчал.

Федор еще подождал и с размаху ударил сына в лицо.

– О-ох! – вздохнул как-то Петр и пригнулся к земле.

Из его носа показалась кровь, и он, осторожно прикладывая руку к лицу, смотрел на свои окровавленные пальцы.

Отец тоже смотрел, некоторое время стоя в выжидательной позе, и вдруг с каким-то визгом, схватив сына за волосы, стал таскать его взад и вперед по земле. Задыхаясь, он приговаривал, толкая ногой сына в грудь, в живот, в лицо:

– Вот же тебе, треклятый! Вот же тебе!..

И таскал и бил до тех пор, пока Петр не сомлел.

Тогда отец бросил его, и Петр, неловко, боком, как упал, так и лежал, уткнувшись в землю, без дыхания, без всяких признаков жизни.

До сих пор безучастный, Ванюшка заметил, ни к кому не обращаясь:

– Этак и убить человека недолго. Отвечать кто будет?

Федор растерянно уставился на сына. Но Петр в это время глубоко вздохнул, сделал движение, и сразу воспрянувший Федор закричал:

– Отдышитесь кошка треклятая! Отдышитесь дрянь негодная! Смерть от отца примет, чтоб не позорить утробу...

Петр совсем пришел в себя и, опять сев, так же молчаливо начал прикладывать руку к лицу. Кровь размазалась на лице, залила грудь и смешалась с грязью. Петр был страшный, худой и высокий, похожий на выходца из могилы.

Федор стоял над сыном и, когда Петр окончательно пришел в себя, сказал:

– Ну что ж, треклятый, начинать мне сызнова? Станешь пасти?

После некоторого молчания Петр угрюмо ответил:

– Стану...

А на другой день Петр опять отказался гнать овец. По просьбе отца, Петра опять на миру пороли. Били больно, как могли, били так, что извлекли из груди Петра какие-то совсем особые звуки, в которых ничего даже похожего на человеческий голос не было. Уже и бить перестали, а Петр все еще с какими-то переливами в горле выл, как воеет, вытянув шею, волк в глухой степи, выл и корчился так, что страшно было и смотреть и слушать.

– Порченный, – шептали ребятишки на деревне.

Так и дальше пошло: день Петр пас, день лежал от новых побоев.

– Да что ты, окаянный, белены, что ли, объелся? – приставал к нему отец.

– Не хочу пасти!

– А есть чего будешь?

– На заработки на завод уйду! Проживу, как знаю.

– От отца, значит, от мира отбиться на вовсе надумал? – приставал Федор.

Петр молчал.

– Врешь, треклятый, не отобьешься! Не таких обламывали!..

И Федор тоскливо твердил:

– Ах, ты, волк, волк! Настоящий ведь волк дикий!..

Так, быть может, и до смерти забили бы Петра, а может быть, и обломали бы, но Петру помог случай.

Приехал миссионер, и понадобился ему прислужник. Явился к миссионеру Петр и сказал:

– Выкупи меня у мира, стану тебе служить.

Поговорил миссионер с Петром и согласился. Согласился и мир.

– Что ж, – рассуждали старики, – бей его, пожалуй, только и всего, что до ответа доведешь себя...

Миссионер отсчитал миру отданный отцу Петра задаток, дал что-то в виде отступного и Федору. Мир нанял нового пастуха, а миссионер увез Петра с собой.

II

Служба у миссионера пошла впрок Петру.

Он научился читать, писать, умел читать по-славянски священные книги и приносил даже существенную помощь миссионеру. Так, во время диспутов, он искусно как бы из публики наводил спор на такие пункты, в которых миссионер был силен и по поводу которых миссионер заранее уславливался с Петром.

На малых диспутах Петр и сам начал выступать на состязания со староверами и понемногу приобрел репутацию искусного и знающего спорщика.

Его уже звали Петром Федоровичем, уважали, хотя и говорили, что Петр Федорович горяч, крут и временами на язык не воздержан.

Миссионер, полюбивший своего помощника до слабости, оправдывал его, говоря:

– И Николай Святитель горяч был, да душой чист...

Петр Федорович вырос, имел в плечах косую сажень, был высок ростом, а черные, как смоль, жесткие волосы, которые он запускал, топырились каким-то черным сиянием вокруг его и без того громадной головы, громадных черных, пронизывающих, горящих глаз.

Носил он давно уже суконную поддевку, сапоги бутылками и только и думал, что о диспутах да о разных текстах священного писания. Он щеголял ими в собраниях, отхватывая одним духом, на память, чуть не целые страницы, и, не довольствуясь, приводил ряд новых текстов.

– А еще от Матвея глава такая-то, а еще от Павла...

И сыплет и сыплет, и умолкнут все, и слушают, и дивятся, откуда только у него берется.

III

Так шло дело у Петра Федоровича, когда вдруг мир потребовал его назад в деревню для отбывания выборной общественной службы.

Выбрали его сотским.

Петр Федорович жаловался миссионеру:

– Вот сотским выбрали. Хорошо – грамотен, могли бы и старостой выбрать. Уж все равно, заодно служить. Злоба в них ко мне – как же, дескать, свиней, овец пас, а теперь в попы метит: вот же тебе, дескать, – послужи в сотских!.. Послужим и в сотских.

Петр Федорович возвратился в свою деревню и начал службу. Не только службу, но и принял от отца все хозяйство. Он принес с собой кой-какие деньжонки. Горячий ко всякому делу, Петр Федорович принялся и за хозяйство не на шутку.

Все ему хотелось по-новому, получше. Хотелось не для себя одного, и он настойчиво твердил, – и отдельным крестьянам, а нередко и на сходке, – как бы следовало все это устроить. Твердил настойчиво, упрямо.

– Да что за учитель нашелся такой? – говорили ему на миру.

– Не учитель я, старики, а дело говорю вам. Вот хоть, к примеру, землю взять. Делите вы ее чуть не каждый год, – ну какое же тут правильное хозяйство возможно? Разделите вы ее ну хоть на двенадцать лет, – ведь дело пойдет, – всякий для себя ведь станет заботиться тогда: и вспашет лучше иной, глядишь, и удобрит...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.